

Сказка братьев Гримм: Тощая Лиза

Совсем по-иному, чем ленивый Гейнц да толстая Трина, которых ничем нельзя было расшевелить, думала тощая Лиза. Она выбивалась из сил с утра до самого вечера и наваливала на своего мужа, долговязого Ленца, столько работы, что ему приходилось куда тяжелей, чем ослу, нагруженному тремя мешками. Но все это было понапрасну, — как были они бедняками, так бедняками и остались.

Однажды вечером, когда тощая Лиза лежала в постели и от усталости не могла двинуть и рукой, мысли не давали ей уснуть. Толкнула она локтем своего мужа и говорит:

— Знаешь, Ленц, о чем я все думала? Если бы найти мне гульден, а другой бы мне кто подарил, да я бы один сберегла, а ты бы мне дал тоже один, и когда у меня накопилось бы их четыре, я купила бы себе молодую корову.

Это мужу очень понравилось.

— Хотя я не знаю, — сказал он, — откуда мне взять гульден, который ты хотела, чтоб я тебе подарил, но если ты все-таки деньги соберешь и сможешь на них купить корову, то будет очень хорошо, если ты выполнишь свое намеренье. Я рад был бы, — добавил он, — если бы корова дала теленочка, тогда мог бы я иной раз получать глоток молока, чтоб подкрепиться.

— Молоко не для тебя, — сказала жена, — мы будем теленка выкармливать, чтоб он вырос и был крепкий, чтоб потом можно было его выгодно продать.

— Оно верно, — ответил муж, — но немного молока мы все-таки будем оставлять для себя, ведь это вреда не принесет.

— Кто это тебя учил так вот за коровами ухаживать? — сказала жена. — Принесет ли это вред или не принесет, а я молока пить не стану. И ты хоть на стенку лезь, все равно не получишь молока ни капли. Ты, Ленц, вон какой долговязый, тебя никак не накормишь, и ты думаешь, что будешь пожирать все, что я такими трудами зарабатываю?

— Жена, — сказал муж, — да угомонись ты наконец, а не то я заткну тебе рот.

— Что? — закричала тощая Лиза. — Ты собираешься мне еще угрожать? Это ты, ненасытный обжора, шалопай ты этакий, ленивый ты Гейнц!

Она хотела было уже вцепиться ему в волосы, но долговязый Ленц поднялся, схватил одной рукой тощие руки Лизы, а другой ткнул ее головой в подушку, — пускай, мол, бранится, и держал ее так до тех пор, пока она от усталости не уснула.

Продолжала ли она на другое утро спорить и ругаться или вышла из дому на поиски гульдена, который она собиралась найти, этого уж я не знаю.